

женского труда в домашнем хозяйстве. В числе пережитков мы находим и сохранение почти в полной мере родовой экзогамии, либеральное отношение к еще имеющимся отдельным случаям двоеженства (среди пожилых людей), злоупотребление родственными связями (например, стремление выгородить родственников, совершивших антиобщественный поступок или даже преступление), разорительные поминки по умершим, а также огромные расходы на торжества по случаю обрезания; иногда воспитание детей передоверяется старикам, которые еще не могут отрешиться от предрассудков (например, держать ребенка неумытым во избежание «сглаза» и т. п.). Много еще, по-видимому, предстоит сделать и в области организации детских садов, общественного питания, создания пунктов бытового обслуживания.

Автором очень тщательно прослежена вся обрядность, связанная с семейно-брачными отношениями; в частности, им обнаружен обряд, связанный с первой беременностью молодой невестки, до сего времени не освещенный еще в этнографической литературе.

Последняя глава книги, посвященная развитию культуры, начинается с рассказа о тех трудностях, которые первоначально встретились на пути повышения культурного уровня колхозников. Особые разделы посвящены успехам школы, формированию и роли аульной интеллигенции, мероприятиям в области здравоохранения, культурного отдыха, развития народного искусства, художественной самодеятельности и т. п. Приводимые в главе факты свидетельствуют об очень больших успехах и достижениях. Полностью ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, созданы благоустроенные школы и интернаты, осуществлено всеобщее обязательное обучение, в колхозах появились специалисты с высшим и средним специальным образованием, развернута сеть заочного образования; из года в год увеличиваются средства из колхозного фонда на культурные мероприятия; организованы больницы, поликлиника, аптека; работают два дома культуры, созданы библиотеки, проводится сплошная электрификация и радиофикация домов; имеется театр народной самодеятельности, ведется большая работа по сбору образцов устного народного творчества. Это далеко не полный перечень описанных в книге фактов по развитию культуры в изучаемых колхозах.

Без преувеличения можно сказать, что появление книги «Культура и быт казахского колхозного аула» является важным этапом в изучении современного быта народов Средней Азии и Казахстана, она показывает, каких ценных результатов можно достигнуть упорной полевой работой дружного коллектива этнографов. Книга эта — весьма квалифицированный труд, в ней глубокие наблюдения пытливого исследователя завершаются четкими обобщениями и выводами. Перед читателем разворачиваются яркие страницы жизни колхоза и колхозников, коренного переустройства хозяйства, культуры и быта.

Книга хорошо оформлена, снабжена большим числом иллюстраций, написана хорошим языком (лишь в отдельных случаях встречаются погрешности, например, «купка» вместо купание, неуместное употребление глагола «кушать» вместо «есть» и др.). Недостаточно, по-видимому, продуман вопрос о привлечении соответствующей литературы, ссылки на которую носят случайный характер; так, в разделе ремесла дано свыше 20 ссылок, в то время как в разделе пища всего 6 ссылок, в разделе жилища — 3, а в главе о семье нет ни одной ссылки. По-видимому, все же следовало привлечь какой-то минимум сравнительной литературы, в первую очередь по казахам, ведь этнографическая литература по казахам необычайно богата.

Н. А. Кисляков

Г. А. Сергеева. *Арчинцы*. М., 1967, 190 стр. с илл.

Один из малых народов Советского Дагестана — арчинцы почти неизвестны и совсем не изучены, если не считать нескольких отрывочных упоминаний в литературе конца XVIII—XX вв. и исследований А. Дирра в области арчинского языка. Кроме того, этот народ на наших глазах постепенно теряет этническую специфику и сливается с более крупной соседней этнической общностью — аварцами. Понятно, что исследование арчинцев вполне закономерно и заслуживает внимания. Монография Г. А. Сергеевой — первая работа советского этнографа, специально посвященная арчинцам — их истории, общественно-политической и культурной жизни, быту. В основу работы положены оригинальные полевые материалы автора, поданные согласно лучшим традициям этнографической науки. В частности, ценные сведения дали посемейные и языковые анкеты подворного обследования с. Арчи. Г. А. Сергеевой использованы также литературные и архивные данные об арчинцах.

Географическая изолированность арчинцев в прошлом, эндогамия, неотгонный тип ведения скотоводства — вот основные причины, способствовавшие, по справедливому утверждению автора, сохранению до наших дней специфики их культуры. С другой стороны, в книге убедительно показано, что арчинский народ многими чертами куль-

гуры и быта связан с другими народами Дагестана. Поэтому исследование автора идет по двум руслам: арчинцы в ряду общедагестанской культурной общности (и здесь привлекается немалый сравнительный материал) и арчинский народ как самобытный и своеобразный представитель многонациональной республики.

Монография включает разделы: «От автора», «Введение», «Исторический очерк», «Хозяйство», «Материальная культура», «Семья и семейный быт», «Культура и просвещение», «Библиография использованной литературы». Книга хорошо иллюстрирована фотографиями, выполненными Г. А. Сергеевой, и рисунками художника К. Г. Камамяна.

Заслуживает внимания постановка автором вопроса о происхождении арчинцев (стр. 16—21). В сущности, исследователь для решения этой проблемы имеет очень ограниченные материалы: лингвистические, указывающие, в частности, на связь с лезгинской группой языков, и антропологические, подтверждающие большое сходство арчинцев с другими народами Дагестана. Все же автор и по таким материалам дает представление о происхождении арчинцев. Длительное проживание их в соседстве с-аварцами и лакцами несомненно отразилось в известной мере в арчинском языке, что еще раз подтверждает факт воздействия на одноаульные языки языков экономически более развитых и многочисленных народов. Однако несмотря на продолжительное соприкосновение с лакским и аварским языками, арчинский язык даже в лексике, т. е. в области, наиболее подверженной воздействию других языков, не испытал существенного влияния. То же наблюдается и в культуре. В связи с этим следует сказать, что, пожалуй, не совсем верно положение автора о взаимном обогащении культур: с одной стороны — арчинской, с другой, лакской, аварской или азербайджанской (стр. 70). Думается, что здесь, как и в арчинском языке, имело место в основном сильное одностороннее влияние на арчинскую культуру со стороны трех других. Общие же черты в культуре и быте арчинцев с народами Дагестана — в значительной степени следствие общности их происхождения и сходных социально-экономических и географических условий.

Автор справедливо подчеркивает, что территория, занимаемая ныне арчинцами, заселена с давних пор (стр. 19), однако это вовсе не значит, что первыми жителями здесь были арчинцы, так же как и наличие населения в этой местности в период раннего средневековья тоже еще не доказывает, что оно было арчинским. Поэтому приведенный пример (стр. 20) в этом плане ничего не разъясняет.

В главе «Хозяйство» обстоятельно охарактеризованы все стороны хозяйственной жизни арчинцев, ее особенности и единство с хозяйством других дагестанских народов. Поднята редкая в этнографических работах тема «Экономические связи». Отметим лишь отдельные неточности, имеющиеся в этой главе. Во-первых, непонятно, почему автор употребляет термин «соха» для обозначения пахотного орудия арчинцев, а не более уместный здесь термин «рало» (стр. 46—48). Во-вторых, молотильная доска арчинцев не только общедагестанского типа, но общекавказского и даже гораздо более широкого ареала, включающего многие страны Ближнего Востока. В-третьих, не совсем понятны приведенные в работе слова информатора о производстве сельскохозяйственных работ по мусульманскому календарю. Как известно, мусульманский календарь — лунный, и в системе солнечного года его даты являются как бы скользящими; из года в год меняющимися, так что, если следовать мусульманскому календарю в сельскохозяйственных работах, то в иной год придется начинать пахоту в самый разгар зимы, по снежному покрову. Очевидно, имеется в виду используемый в мусульманских странах, в частности в Иране, и, в прошлом, в Азербайджане и Дагестане, домусульманский солнечный календарь с началом года в день весеннего равноденствия (стр. 50).

В главе «Материальная культура» автор исследует три традиционных крупных комплекса: поселения и жилища; одежду; пищу. Поэтому главе отведена примерно треть книги. Г. А. Сергеева сумела систематизировать обширный материал, интересно познать его, не отвлекаясь на мелочи, но и не пропуская показательные детали. Естественно, что в такой большой и кропотливой работе есть некоторые погрешности.

Например, судя по схеме расположения селений арчинцев (стр. 75), хутор Хитаб находится ниже сел. Арчиб по течению реки, а в тексте (стр. 74) сообщается, что он расположен «вверх по течению реки». Затем, конечно, жаль, что не приведен термин, означающий у арчинцев «квартал» (как часть селения), хотя даны аналогичные термины, употребляемые у других народов Дагестана (стр. 79). Далее, вероятно, точнее сказать о «территориально-соседском» принципе расселения, а не о «территориальном» (стр. 79). Неверно, что только у арчинцев для перекрытия жилищ употребляют каменные плиты (стр. 97—98). Это характерно и для старинных жилищ лезгин, агулов, лакцев и др.

В разделе «Одежда» несколько наивно звучит фраза: «Наши информаторы рассказывали, что еще в XVIII в. женские платья туникообразного покроя шили из овчинных шкур, мехом внутрь» (стр. 101). Едва ли можно ссылаться на показания информаторов для установления фактов, относящихся к XVIII в.! В этом же разделе не всегда приводится точная трактовка терминов, например термина «чухай» (женское по-

лупальто). Нет ли здесь напрашивающейся связи с названием мужской верхней одежды, известной у многих народов Кавказа под названием «чуха» (стр. 105)? Неудачно объясняется отсутствие специального термина для верхней мужской рубахи (стр. 109). Узкий кожаный с серебряными украшениями или целиком серебряный пояс, состоящий из отдельных секций (стр. 109), в кавказоведческой литературе известен как «наборный пояс».

В главе «Семья и семейный быт», тщательно и продуманно написанной, с тремя таблицами, охвачены, пожалуй, все рассматриваемые в традиционной этнографической литературе стороны этого вопроса. Учет современного материала особенно ценен именно в этой главе. Живые примеры из жизни арчинцев, тактично описанные, подробная характеристика их семейного быта вызовут интерес у читателей. Выскажем некоторые замечания и по этой главе. На стр. 142 автор говорит об ортокузенных и кросскузенных браках, как о чем-то присущем только арчинцам. Между тем такие браки в недалеком прошлом были у лезгин, азербайджанцев и других народов. На стр. 154 читаем: «Первенца арчинка рождает в доме своей матери, остальных детей — в доме мужа». И далее (стр. 155): «Первому ребенку имя может предложить мать или ее старшие родственники, второму — чаще отец». К сожалению, автор не анализирует эти факты, заслуживающие, на наш взгляд, пристального внимания этнографа.

Глава «Культура и просвещение» как бы подводит итог книги. Во всей работе Г. А. Сергеевой проходит естественное и очень убедительное сравнение прошлого арчинцев с настоящим, но особенно четко оно выступает здесь. Всюду в книге автор рисует этнографический портрет народа на фоне общедагестанской культуры, а в этой главе эта ценная особенность выступает еще ярче.

Проблема языкового строительства — актуальная в условиях многонационального Дагестана — интересно освещена и подкреплена материалами анкет, дающих представление о характере многоязычия арчинцев (стр. 181—185). Так, выявляется, что лакский язык, более других распространенный среди арчинцев до революции, в наше время в результате изменения направления экономических связей, развития школы на аварском языке известен главным образом лицам старше 50 лет. Наоборот, аварский знает основная часть населения Арчи. Именно это раскрывает направление этнических процессов, происходящих среди арчинцев, — слияние их с аварцами.

Следует отметить, что книга снабжена добротным, тщательно сделанным справочным аппаратом, написана хорошим литературным языком.

В заключение еще раз подчеркнем, что монография «Арчинцы» — немалый успех автора. Книга несомненно привлечет внимание всех, кто интересуется этнографией и историей народов Кавказа.

Н. Г. Волкова, А. Г. Трофимова

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», ч. I — Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.

Среди источников по средневековой истории и культуре народов нашей страны все более заметную роль начинают играть эпиграфические памятники, преобладающее большинство которых составлено на восточных языках.

Несмотря на огромную работу в изучении этого наследия (история изучения «мусульманских» надписей России имеет трехсотлетнюю давность), многие памятники остались вне поля зрения исследователей. Сохранение, фиксация и издание надписей, обнаруженных на территории нашей страны, стали настоятельной необходимостью. Частичные исследования, как писал академик И. Ю. Крачковский, должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки»¹.

Значительное число эпиграфических материалов сосредоточено на Кавказе, особенно в Дагестане. Большим вкладом в изучение этих материалов служит рецензируемая монография Л. И. Лаврова (часть I), напечатанная издательством «Наука», в серии «Памятники письменности Востока».

В книге представлено более 450 восточных, преимущественно арабских надписей, охватывающих период с X по XVII в. Часть из них впервые обнаружена автором. Кроме того, им использовано большое число эстампов, зарисовок рукописных надписей, обнаруженных в архивах и музеях страны, в частности в архивах Академии наук СССР (фонды П. И. Кеппена и Б. А. Дорна), Института народов Азии (фонды К. К. Фезе,

¹ И. Ю. Крачковский. Арабистика в СССР за 20 лет, «Труды Ин-та востоковедения», вып. XXXVI. М.—Л., 1941. стр. 26.